

критично важные для себя взгляды, аналогичных возможностям адептов религиозных доктрин? И, кстати, никто не слышал о группе физиков-теоретиков, врывающихся в редакцию журнала с автоматами после публикации материалов, высмеивающих черные дыры?

Поэтому в неизбежном столкновении свободы слова и свободы религии, сложно принять сторону второй. Конечно, хорошо бы выработать какой-то динамичный баланс для подобных конфликтов, но, увы, хорошего рецепта здесь не существует. Единственный базовый ингредиент – любые конфликты свобод должны решаться в рамках правового поля, цивилизованными, адекватными и пропорциональными методами. И уж точно не убийствами или обвинительными приговорами светского суда, использующего вместо закона религиозные тексты и показания отцов церкви.

*Наталья Сатохина,
кандидат юридических наук (г. Харьков)*

СВОБОДА СЛОВА ПОСЛЕ СОКРАТА

Мыслить критически – древняя забота философии, которую в ее сознательной форме можно возвести к деятельности Сократа в Афинах. Сократ занимался тем, что с помощью рассуждения делал процесс мышления публичным, превратившись, таким образом, в образцовую фигуру философа, принимающего вызов любого, открытого для любых вопросов, для любых требований отчета в своих словах и жизни в согласии с ними. Так, подвергая себя свободному и открытому испытанию, философ освобождается как от догматизма толпы, так и от догматизма избранных авторитетов. И хотя мышление – это безмолвный диалог с самим собой, но если мы не способны сообщить другим то, что открыто в одиночестве, способность мышления исчезает. По словам Карла Ясперса, истина – это то, что я могу сообщить другим. Поэтому, согласно Иммануилу Канту, «та самая внешняя власть,

которая лишает людей свободы сообщать свои мысли публично, отнимает у них также и свободу мыслить». Следовательно, свобода слова – это не просто право на высказывание своего мнения; сама способность мышления зависима от своего публичного применения; без свободного испытания никакое составление мнения невозможно.

Вместе с тем, Ханна Арендт предлагает взглянуть на фактор публичности, необходимой для критического мышления, и с иной точки зрения: по сути, достижением Сократа стало извлечение из любого мнения скрытых или невидимых последствий, чтобы представить их на общий суд. Такое испытание предполагает, что все хотят и способны дать отчет о том, что думают и говорят. По мнению Арендт, «именно это – считать самого себя и всех остальных ответственными и отвечающими за свое мышление и учение – сделало философией возникшие в Ионии поиски знания и истины».

После того, как смерть Сократа породила нечто вроде «веками тянувшегося смущения совести, благодаря которому дух и разум постоянно оставались начеку» (выражение Владимира Янкелевича), вправе ли мы отказаться от этой ответственности? Сложно сказать, чем руководствовался король Франциск I, когда предоставил защиту вынужденному скрываться от теологов Франсуа Рабле: защищал ли он свободу слова или просто любил юмор – по выражению Милана Кундеры, «странное удовольствие, проистекающее из уверенности, что уверенности не существует». Но, так или иначе, Рабле покровительствовали многие влиятельные люди того времени. Анализируя историю Салмана Рушди, приговоренного к смерти Имамом Хомейни за роман «Сатанинские стихи», Кундера с горечью констатирует, что в сегодняшней Европе он не видит ни единого Франциска I; Европа оказалась неспособной объяснить себе самой и защитить свою собственную культуру.

Не подтвердили ли этот вывод «карикатурные скандалы» последнего десятилетия? И не оказались ли свобода слова и ироническое сознание приговоренными к смерти так же, как искусство романа? Почему после событий во Франции 7 января 2015 года под ударом в первую очередь оказалась свобода слова? По всей видимости, за призывами к ограничению свободы слова кроется не только усталость и нежелание считать себя

ответственными за свое мышление, но и разрыв с собственной интеллектуальной традицией, разлад с самим собой, что, согласно Сократу, значительно хуже несогласия с большинством.

*Віктор Смородинський,
кандидат юридичних наук (м. Харків)*

ОСОБЛИВОСТІ ДІЇ «ПРИНЦИПУ НЕЙТРАЛЬНОСТІ» У ПРАВОВІЙ СИСТЕМІ ФРАНЦІЇ

Принцип нейтральності, як зазначає С. Шевчук у своїй праці «Судовий захист прав людини: практика Європейського суду з прав людини у контексті західної правової традиції», вимагає, передусім, неупередженості держави щодо існуючих релігій та ідеологій, однак він також покладає на державу обов'язок поважати принципи свободи та недискримінації. У цьому сенсі нейтральність розуміється як наслідок відокремлення церкви від держави. Водночас ця ідея зовсім не означає зведення «муру» (термін Т. Джеферсона) між цими двома значущими інститутами суспільства. Її сучасна соціальна історія Франції є доказом неможливості ефективного побудови такого «муру». Втім, з урахуванням певних національних історичних і ментальних особливостей.

Ще в 1977 р., коли під час підготовки Амстердамського договору, канцлер Німеччини Г. Коль на прохання католицької та протестантської німецьких церков зробив спробу закріпити в ньому «церковні статті», ця ініціатива зазнала невдачі через заперечення Франції. Схожа ситуація повторилась у 2000 р. під час розробки Європейської хартії про основні права. У Преамбулі цього документа згадувалося про «гуманістичну, культурну й релігійну спадщину» ЄС. Президент Франції Ж. Ширак заявив, що Франція не може схвалити таке формулювання, оскільки воно суперечить офіційному французькому тлумаченню принципу відокремлення церкви від держави (Laiziteit-prinzip). У зв'язку з цим було вирішено прийняти таке формулювання: «духовна й